

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-2-239

УДК 861.121.1

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

**КОНФЛИКТ РЕАЛЬНОСТИ
И ФАНТАСТИЧЕСКОГО ВЫМЫСЛА В ПОВЕСТИ
АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
«ГРАФ КАЛИОСТРО»**

Е.М. Кирюхина

В статье рассматривается законченная в период эмиграции повесть Алексея Николаевича Толстого «Граф Калиостро»: имеющая в основе реальный исторический факт (посещение в 1779–1780 гг. России итальянского авантюриста Джузеппе Бальзамо, называющего себя графом Калиостро), она сочетает реальность с фантастическим вымыслом, а обращение к произведениям с использованием фантастического элемента на сегодняшний день весьма актуально. На первый взгляд сложные жизненные перипетии должны были определить предпочтение фантастики над реальностью, но в «Графе Калиостро» фантастический вымысел вступает в конфликтные отношения с миром реальности; доказательство этого тезиса становится целью статьи. Используя проблемный, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический, хронологический, и биографический методы автор решает поставленную цель путем сравнения «Графа Калиостро» с написанной в то же время повестью А.Н. Толстого «Детство Никиты» и созданной ранее поэмой А.К. Толстого «Портрет»; одновременное сравнение этих произведений ранее не производилось и представляет научную новизну представленной статьи. Автор приходит к выводу, что в сложное время нравственных поисков А.Н. Толстой не желает спрятаться от жизненных проблем в мире фантастической вселен-

ной, конфликт реальности и фантастического вымысла решается в пользу торжества реальной земной любви. Эта способность предпочесть суровую реальность сказочному вымыслу скажется как на последующем творчестве, так и на жизненном пути А.Н. Толстого.

Ключевые слова: литература русского Зарубежья; повести «Граф Калиостро» и «Детство Никиты» А.Н. Толстого; поэма «Портрет» А.К. Толстого; конфликт реальности и фантастического вымысла

Для цитирования. Кирюхина Е.М. Конфликт реальности и фантастического вымысла в повести Алексея Николаевича Толстого «Граф Калиостро» // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 2. С. 128-144. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-2-239

Original article | Theory and History of Culture and Art

CONFLICT OF REALITY AND FANTASTIC FICTION IN THE STORY OF ALEXEY N. TOLSTOY “COUNT CALIOSTRO”

E.M. Kiryukhina

The article examines the story “Count Cagliostro” by Alexei Nikolaevich Tolstoy, completed during the emigration period: based on a real historical fact (the visit to Russia in 1779-1780 of the Italian adventurer Giuseppe Balsamo, who called himself Count Cagliostro), it combines reality with fantastic fiction, and turning to works using a fantastic element is very relevant today. At first glance, the complex vicissitudes of life should have determined the preference of fantasy over reality, but in “Count Cagliostro” fantastic fiction enters into a conflicting relationship with the world of reality, proof of this thesis becomes the purpose of the article. Using problematic, comparative-contrastive, cultural-historical, chronological, and biographical methods, the author solves the goal by comparing “Count Cagliostro” with the story written at the same time –

A.N. Tolstoy's "Nikita's Childhood" and the previously created poem by A.K. Tolstoy – "Portrait", a simultaneous comparison of these works has not been previously made and represents the scientific novelty of the presented article. The author comes to the conclusion that in difficult times of moral searches A.N. Tolstoy does not want to hide from life's problems in the world of a fantasy universe; the conflict between reality and fantastic fiction is resolved in favor of the triumph of real earthly love. This ability to prefer harsh reality to fairy-tale fiction will affect both the subsequent work and the life path of A.N. Tolstoy.

Keywords: *literature of Russian Abroad; stories "Count Cagliostro" and "Nikita's Childhood" by A.N. Tolstoy; poem "Portrait" by A.K. Tolstoy; conflict between reality and fantasy*

For citation. *Kiryukhina E.M. Conflict of Reality and Fantastic Fiction in the Story of Alexey N. Tolstoy "Count Caliostro". Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 128-144. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-2-239*

Введение

Биография и творчество российского и советского писателя Алексея Николаевича Толстого, бывшие объектом пристального внимания советских литературоведов [1], пережили период отрицательного отношения к автору в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и вновь достаточно объективно изучаются современными учеными [11, 12]. Однако анализируются прежде всего эпохальные произведения – роман «Петр Первый», трилогия «Хождение по мукам». Что касается произведений с фантастическим вымыслом, то им уделяется гораздо меньшее внимание [4] и обращение к данной проблеме является весьма **актуальным**. Образ графа Калиостро, героя одноименной повести А.Н. Толстого, рассматривался как в сравнении с его изображением в повести современника писателя М. Кузмина [3], так и в фильме М. Захарова «Формула любви» по мотивам А.Н. Толстого [10]. Весьма интересно анализирует поэтику фантастического в повести «Граф Калиостро» Н.Ф. Полякова [8, 9]. **Целью** нашей статьи является анализ конфликта реальности и

фантастического вымысла в повести А.Н. Толстого «Граф Калиостро». Для достижения поставленной цели ставятся **задачи** сравнить «Граф Калиостро» с повестью А.Н. Толстого «Детство Никиты» и с поэмой его предшественника А.К. Толстого «Портрет» – в этом несомненная **новизна** представленного научного исследования.

Методы и методология

Базовыми для анализа являются принципы историзма, системного подхода, научной объективности и социальности. Автор также использует сравнительно-сопоставительный, проблемный, хронологический, культурно-исторический и биографический методы.

Основная часть

Многообразие интересов – отличительное качество творчества А.Н. Толстого. В годы гражданской войны им написано начало остросовременного романа «Хождение по мукам» (Сестры), 1922) – первая часть будущей трилогии. Тогда же писателя начинает привлекать русская история – эпоха Петра и Смутного времени: «Наваждение» (1917), «Первые террористы» (1918), «День Петра» (1918). Чуть позже рождается научно-фантастический роман «Аэлита» (1923).

В стремлении постичь закономерности современности писатель опирался на традиции русской и зарубежной литературы, искал поддержки у своих предшественников, по-своему переосмыслил их опыт. Так, «Смерть Дантона» (1923), представляющая собой переработку одноименной пьесы Г. Бюхнера (1825), для А.Н. Толстого – повод и способ для размышлений о русской революции, ее природе, попытка понять ее движущие силы.

Особое место в творческом развитии писателя интересующего нас периода занимает небольшая повесть «Граф Калиостро». На первый взгляд, она может показаться вещью незначительной и мало актуальной (во всяком случае, в сравнении с перечисленными выше). Однако она связана не только с предшествующей историко-литературной традицией, но имеет определенные выходы в современность,

хотя их порою не так-то легко обнаружить, и подобное утверждение может показаться слишком категоричным.

Кратко коснемся творческой истории произведения. Повесть начата в 1919 г. в Одессе, окончена в 1921 г. в Париже. Заглавный герой – реальное историческое лицо. Это итальянец Джузеппе Бальзамо, живший в XVIII в., авантюрист и гипнотизер, выдававший себя за волшебника и мага. В 1780 г. под именем графа Феникса он появился в Петербурге, где пользовался покровительством Г.А. Потемкина.

Для того, чтобы «поддержать ощущение подлинности событий» писатель строит повесть, вводя в нее как бы подлинные документы – письмо секунд-майора Павла Петровича Федяшева: «... Много у нас в Петербурге наделал шуму известный граф Феникс, или, как его называют, – Калиостро. У княгини Волконской вылечил больной жемчуг; у генерала Бибикова увеличил рубин в перстне на одиннадцать каратов и, кроме того, изничтожил внутри него пузырек воздуха; Костичку, игроку, показал в пуншевой чаше знаменитую талию [...]. Камерфрейлине Головиной вывел из медальона тень ее покойного мужа, и он с ней говорил и брал ее за руку, после его бедная старушка совсем с ума стронулась... Словом, всех чудес не перечесать...» [14, с. 120].

Сюжет повести незамысловат: спасаясь от гнева Потемкина, граф Калиостро с молодой красавицей-женой Марией появляется в усадьбе молодого дворянина Федяшева. Юноша влюблен в старинный портрет, но после встречи с Марией между молодыми людьми возникает взаимная любовь.

Замысел повести оформился не сразу. Первоначально А.Н. Толстой задумал написать на эту тему драматическое произведение. Стиль повести, некоторые повороты сюжета напоминают пьесы «Любовь – книга золотая» (написана в 1919 г. в Одессе) – изящную шутиливую миниатюру из эпохи XVIII столетия: старый князь из пьесы напоминает графа Калиостро; в пьесе торжествует любовь двух молодых людей, – княгини и Завалишина, – подобно тому, как это имеет место между Марией и Федяшевым в повести. И все-таки, «Графа Калиостро» следует рассматривать как шаг вперед по сравнению с пьесой.

В какие бы дали не заводила А.Н. Толстого фантазия, он остается очень земным писателем, его интересует реальное во всех его проявлениях. Почти одновременно с «Графом Калиостро» была написана в эмиграции повесть «Детство Никиты» (1920) – шедевр автобиографической прозы А.Н. Толстого. Повесть, как давно замечено исследователями, при всей своей внешней непритязательности, была связана с современностью весьма прочно. Не случайно, находясь в эмиграции, писатель обратился к изображению родины и детства, в котором человек живет в гармонии с мирозданием, – в этом своеобразно проявилась вера А.Н. Толстого в творческие силы России. Один из современников писателя вспоминает: «... Такой полнотой здоровья, свежим навозом разбухших по весне сараев, сухим треском спадающих капель и – полей, отворенных к весеннему Божьему чуду, пахло в прокуренный папиросами зал, что я испугался. Господи, зачем он все это?» [1, с. 100]. Позднее, спустя полтора десятилетия, став уже известным советским писателем, путешествуя по Чехословакии, А.Н. Толстой подчеркнет ярко выраженный национальный колорит книги и даже скажет, что русский язык вернул его на Родину: «Это русский язык, на котором говорят в самарской деревне. Русский язык манил меня домой к большевикам. Политически я был далек от них. Но был исполнен огромным желанием работать с ними и для них» [7].

Как это ни странно на первый взгляд, «Детство Никиты» и «Граф Калиостро» имеют нечто общее. Как и обращение к миру детства, так и опора на предшествующую литературную традицию были важны для писателя в тяжелое время поисков как обретение дополнительной прочности – реальной жизненной или собственно эстетической. Для доказательства этого тезиса нам придется привести довольно длинные выдержки из текста.

В «Детстве Никиты» почти отсутствуют приметы конкретного исторического времени. Перед нами вечный круговорот природы, жизнь деревни, какой она могла быть и сто, и двести лет назад. Сходное описание природы и мира крестьянских работ – в «Графе Калиостро», но то, что в «Детстве Никиты» занимает несколько глав, сконцентрировано в повести с фантастическим сюжетом в небольших фрагментах.

«Детство Никиты»

«Ехать было очень славно. Подувал ветерок, пахнувший полынью и пиеничной соломой, раскачивал на меже высокие репейники. Со Скирдов, стоявших, куда хватал глаз, на ровной степи, поднимался ястреб и медленно уходил в небо. Вдали синел дымок – это у плугарской будки варили кашу... Отъехав от стана, встретили четыре чабана; за быками, покачивающимися в ярмах, тащились перевернутые вверх лемехами плуги, шли лохматые, в заскорузлых рубашках плугари – есть кашу... К полудню ветер затих, и вдали по краю степи заходили волны жара... Вглядываясь, Никита различал в этой волнующей синеве то плывущий дом, то дерево, висевшее над землей, то корабль без мачт. Вozы шли. Трещали кузнечики» [15, с. 241–242].

«Граф Калиостро»

«За окном, куда он смотрел со скакуой, на дворе, поросшем кудрявой травкой, стоял рыжий теленок и сосал у другого теленка ухо. Двор полого спускался к речке, на берегу ее в лопухах сидели гуси, белые, как комья снега; один поднялся, взмахнул крыльями и опять сел. Было знойно и тихо в этот полуденный час. За рекой над полосами хлебов колебались и дрожали прозрачные волны жара. По дороге, выбегающей из березового леска, ехал верхом мужик; вот он спустился к броду, – лошадь зашла по брюхо к речке и стала пить; потом он, распугав гусей, болтая локтями и пятками, поскакал в гору и крикнул что-то дворовой девке, тащившей охапку соломы, засмеялся, но, заметив барина, спрыгнул с лошади и снял шапку» [14, с. 117].

Даже в повести с фантастическим сюжетом реальность неудержимо притягивает А.Н. Толстого и теснит фантастику. При это количество сходных отрывков, изображающих природу, можно было бы без труда увеличить. Странными, искусственными кажутся на фоне этой здоровой русской природы каменные псевдоантичные статуи, урна с надписью о быстротечном времени в имени Федяшева и мечты молодого хозяина о неземной любви! Авторская насмешка чувствуется и в разговоре Алексея Алексеевича с тетушкой: «...отменными качествами обладают перечисленные вами девицы, но лишь подумать, – вот душа моя запылала страстью, мы соединяемся, и что же, особа, которой перчатка или подвязка должна приводить меня в трепет, особа эта бегаёт с ключами в амбар, хлопочет в кладовых, а то закажет лапшу и при мне ее будет кушать» [14, с. 116]. Образ молодого дворянина продолжает ряд мечтателей-чудаков, оторванных от жизни и выведенных А.Н. Толстым в его ранних новеллах «Соревнователь» (1909), «Яшмовая тетрадь» (1909), «Злос-

частный» (1909), «Мечтатель» (1910). Средством разоблачения их беспомощности становится столкновение с реальной жизнью. Так, в «Злосчастном» по контрасту с описанием возвышенной любви приводится письмо героя к родителям с просьбой прислать 35 рублей на пропитание. Герой «Яшмовой тетради», подобно Федяшеву, сидит у окна, не видя ничего, кроме заветной тетради, и лишь деревенская баба выводит его из состояния полусна.

Взаимосвязь повестей не исчерпывается сходством в изображении мира природы и деревенской жизни. Еще более важным является мотив оживающего портрета, который встречается в обоих произведениях. Перед нами предстают портреты молодых красавиц. Федяшев не может отвести глаз от дамы в старинном платье и пудренном парике, держащей в руке розу; он награждает изображение «всеми прекрасными качествами доброты, ума и страстности» [14, с. 119].

Никита мог подолгу глядеть на красавицу в черной бархатной амазонке с хлыстом в руке: «Казалось, она шла и обернулась и глядит на Никиту с лукавой улыбкой пристальными длинными глазами» [15, с. 162].

Повторяется в повестях и мотив сна. Федяшев «...увидел ее во сне такую же, как на портрете, – неподвижной и надменной, лишь роза в ее руке была живая, и он тянулся, чтобы вынуть цветок из пальцев, и не мог» [14, с. 119].

Сон Никиты более сюжетен, таинственен, в нем действуют изображения востроногого старичка и злой старушки: «Никита подлетел к часам и сунул было руку в вазочку. Но сейчас же из-за стены, из картины живо высунулась злая старушка и худыми руками схватила Никиту за голову. Он вырвался, а сзади из другой картины высунулся старичок, замахал длинной трубкой и так ловко ударил Никиту по спине, что тот полетел на пол, ахнул и открыл глаза» [15, с. 160]. Но глава о сне Никиты не воспринимается как нечто сверхъестественное и не противоречит основному строю повести, т.к. в сновидениях могут происходить различные фантастические приключения. Еще раз эти портреты появляются в главе «Что было в вазочке на стальных часах»: старичок и старушка пристально смотрят на Никиту и

девочку Лилию, а дама таинственно улыбается в лунном свете.

Первоначально текст главы был более развернутым, в нем ответственнее проступала атмосфера загадочности: сон Никиты непонятным образом совпадал с явью, Лиля была похожа на даму с портрета и т.д. Итак, мы вновь встречаемся со взаимным влиянием двух параллельно написанных произведений: несомненно, мотив оживающего портрета пришел в «Детство Никиты» из «Графа Калиостро», но налет мистического был бы неорганичен в повести о детстве, и поэтому глава была значительно сокращена. Зато в «Графе Калиостро» мотив оживающего портрета оказался вполне уместен и получил дальнейшее развитие – на нем строится сюжетное действие повести. Портрет оживает уже не во сне, а наяву, благодаря волшебству графа Калиостро.

Образ злого волшебника и мотив оживающего портрета показывают на использование писателем традиций мирового искусства прошлых веков и особенно русской и зарубежной литературы XIX века. Полулегендарный граф Калиостро привлекал внимание многих писателей – так, сама императрица Екатерина Вторая запечатлела его облик в пьесах с красноречивыми названиями «Оболенный» (1785) и «Обманщик» (1786). Напротив, современник А.Н. Толстого писатель и поэт М.А. Кузмин, получивший прозвище граф Калиостро, автор книги «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1916), поэтизировал своего героя. Но в русской фантастической литературе XIX в. к этому времени традиционный образ злого волшебника и алхимика-чернокнижника из фольклора и средневековых легенд почти не сохранился в «чистом виде»: больше всего близки к этому алхимик Якко в «Саламандре» В.Ф. Одоевского (1841) и чернокнижник Муций в «Песне торжествующей любви» И.С. Тургенева (1881). «Русский Фауст» В.Ф. Одоевский разделял идеи немецкого романтизма о том, что прогресс науки, опережающий развитие нравственных ценностей, приносит зло: извечное человеческое желание «все видеть, все знать, все понимать», исполненное буквально Сегелиелем в «Импровизаторе» (1843) В.Ф. Одоевского, приводит героя на грань безумия. Ранее в «Пагубных последствиях

необузданного воображения» (1828) А. Погорельского, как в «Песочном человеке» (1817) Э.Т.А. Гофмана, показана трагедия юноши, влюбившегося в искусно сделанную изобретателями куклу.

*«Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насыщенным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
промышленным заботам преданы» [2].*

Граф Калиостро А.Н. Толстого так же, как и изобретатели Э.Т.А. Гофмана и А. Погорельского, оживляет портрет ради своей корысти, боясь возникновения любви между своей женой Марией и Алексеем Алексеевичем. Его последователь Морей из пьесы А.Н. Толстого «Бунт машин» (1924), написанной по мотивам пьесы К. Чапека «R.U.R.» (1920), создаст уже фабрику искусственных людей для своего обогащения.

Калиостро показан через восприятие Федяшева, чья мечтательная возвышенная натура потрясена низменным поведением гостя. «Багрово-красное лицо его с крючковатым носом было погружено в кружева. Огромный, с локонами парик, какие носили в начале столетия, был неряшливо напудрен. Синий жесткого шелка кафтан расшит золотыми мордами и цветами. [...] На пряжках бархатных башмаков сверкали брильянты, и на каждом пальце коротких волосатых рук переливалось по два, по три драгоценных перстня» [14, с. 124]. Основной прием в снижении этого образа – введение ярких бытовых деталей, которые делают облик героя неприятным: он опрокидывает в горло стакан вина, не глотая; за завтраком сидит надувшись и неприятно, громко жуя; перед торжественным свершением чуда облизывает испачканные мелом пальцы и кладет на лоб Федяшева жирную горячую руку.

Мотив оживающего портрета входит в литературу в XIX в. Его предшественниками были древнегреческий миф о Пигмалионе,

средневековая легенда о Дон Жуане и оживающей статуе Командора, религиозная литература, где действовали оживающие и сходящие с икон образы. Среди писателей XIX в. к этому мотиву обращались Б. Дизраэли («Вивиан Грей», 1826), Н. Готорн («Дом о семи фронтонах», 1851; новеллы), О. Уайльд («Портрет Дориана Грея», 1891), в России – А.С. Пушкин («Пиковая дама», 1833), Н.В. Гоголь («Портрет», 1834), М.Ю. Лермонтов («Штосс», 1841), А.К. Толстой («Упырь», 1841, «Портрет», 1872–1873). У самого А.Н. Толстого есть рассказ «Портрет» (1912), повествующий о том, как крепостной художник писал портрет своего хозяина графа, причем, встреча художника с Н.В. Гоголем стала причиной создания знаменитой одноименной гоголевской повести.

Интересно обнаружить черты определенного типологического сходства и общность сюжетных ходов в исследуемой повести А.Н. Толстого и поэме его предшественника А.К. Толстого «Портрет». Их сравнение поможет понять особенности авторского отношения к фантастике. Герои обоих произведений влюбляются в портреты, позже оживающие. Вначале предмет их «невольной страсти» дается возвышенно, без всякого намека на иронию.

«Портрет»

*«То молодой был женщины портрет,
В грациозной позе.[...] Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал локон,
И, полный роз, передник из тафты
За кончики несли ее персты. [...] Казалось мне, лукавые уста,
Назло глазам, исполненным печали,
Свои края чуть-чуть приподымали»*
[13, с. 516–517].

«Граф Калиостро»

«...дивной красоты лицо, гладко причесанные пудренные волосы, высокие дуги бровей и страстный рот с приподнятыми уголками, и светлое платье, открывавшее до половины девственную грудь. Рука, спокойно лежащая ниже груди, держала указательным и большим пальцем розу»
[14, с. 116].

Но уже сцена оживления портрета у А.Н. Толстого показана совсем иначе. Алексей Алексеевич Федяшев, сам того не сознавая, увлечен другой женщиной – красавицей Марией, женой графа Калиостро. Если оживленный портрет у А.К. Толстого прекрасен,

то у А.Н. Толстого он оказывается контрастен образу, созданному в мечтах героя.

«Портрет»

*«И вдруг персты передник упустили –
И ворох роз, покоившихся в нем,
К моим ногам посыпался дождем.
Движеньем плавным платье расправляя,
Она сошла из рамы на паркет;
С террасы в сад, дышать цветами мая,
Так девушка в шестнадцать сходит
лет...»* [13, с. 532].

«Граф Калиостро»

«...голова Прасковьи Павловны, освобождаясь, отделилась от полотна портрета и разлепила губы. “Дайте мне руку”, – проговорила она тонким, холодным злым голосом» [14, с. 136].

Так же, как и граф Калиостро, образ оживленной княгини развенчивается отдельными штрихами. Это женщина с неровными, как полет мыши, зыбкими движениями; с неожиданной и торопливой жадностью отвечает на поцелуй Алексея Алексеевича – «...омерзением, гадливостью, страхом стиснуло ему горло» [14, с. 140]. В «Портрете» тоже ощущается авторская ирония над мечтателем: долго ждавший встречи с идеалом, герой от неожиданности приглашает ожившую даму на менюэт, в ответ та смеется над его неловкостью. Это мягкий юмор, высмеивающий неудачливого, растерявшегося юношу, который в итоге вознаграждается за свое постоянство. У А.Н. Толстого авторская ирония намного злее и беспощаднее: идеал оказывается злой самодуркой, издевающейся над служанкой. В «Портрете» размолвка героев мимолетна, а в «Графе Калиостро» происходит полный разрыв с фантастическими мечтами.

«Портрет»

*«Вся кровь во мне кипела, негодюя,
Но вот нежданно, в этот самый миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
Мне слышалось: “Не плачь, тебя люблю!”
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь – она же с лаской нежной
Меня к груди прижала белоснежной»*
[13, с. 534].

«Граф Калиостро»

«Холодный ее голосок сыпал словами, как стекляшечками, и невыносимым звуком все время посвистывал шелк ее платья. От этих стеклянных слов и шелкового свиста Алексей Алексеевич стискивал челюсти. Сердце его лежало в груди тяжелым ледяным комом. [...] Болтающее ему столь же бесплотным, как и его прежняя мечта» [14, с. 139].

Фантастические образы полностью развенчиваются А.Н. Толстым: черная тень от ожившего трупа, в который превратилась красавица, скрывается за книжным шкафом, с позором изгнан Калиостро. Писатель выбрал беспощадное средство в борьбе с сильным противником – смех: сделать врага смешным – значит, обезоружить его. В финале граф, спасаясь от пожара, бежит прыжками, задирая голые ноги, к прудам и шлепается в воду с тяжелым плеском, как куль, на поверхности остаются торчать только его щетинистый череп и уши. Еще с одним героем позже расправится А.Н. Толстой столь же беспощадно – с инженером Гариным. Претендовавший на мировое господство, в финале повести «Гиперолоид инженера Гарина» (1927) Гарин собирает моллюсков и устриц на необитаемом острове да похрапывает, уткнувшись носом в песок и укрывшись истлевшим пиджаком.

Итак, если в начале повести ирония автора чувствовалась по отношению к Федяшеву, предмет его любви изображался нейтрально, то в финале все меняется. Сюжетная ситуация, когда молодой поклонник уводит любимую у старика, показанная иронически в повестях А.Н. Толстого «Соревнователь» и «Катенька» (1911), приобретает иную окраску. В конце повести, в противоположность «Кларе Милич» (1883) И.С. Тургенева и «Гранатовому браслету» (1910) А.И. Куприна, в которых любовь приобретает право на существование только после смерти, живая любовь торжествует при жизни. В финале открыто звучит авторский голос: «В эту минуту все разделявшее их, все измышленное и сложное – разлетелось, как дым от ветра. Остались только губы, прижатые к губам, глаза, глядящие в глаза: быть может, быстротечное, быть может, грустное – кто измерил его? – счастье живой любви» [14, с. 150]. Любовь для А.Н. Толстого – одна из многообразных форм взаимосвязи человека не только с другим человеком, но через него – с бытием. В этом определенное сходство «Графа Калиостро» с «Детством Никиты», в котором писатель тоже пытался найти единство человека с окружающим миром реальной русской природы.

Заключение

Повесть «Граф Калиостро» – переходная вещь в творчестве А.Н. Толстого. Обращение к фантастике было обусловлено и объективными

трудностями в период ломки его мировоззрения: жизнь оказалась значительно сложнее, чем он предполагал. Но повесть нельзя воспринимать только как свидетельство стремления писателя укрыться от реальности в область мистических идей, как может показаться на первый взгляд. Проведенные сравнения повестей «Граф Калиостро» и «Детство Никиты» позволяет сделать вывод о том, что в повести с использованием фантастического вымысла реальность и фантастика сталкиваются во имя реальности, торжествует не идеальная, а земная любовь, подобно поэме предшественника писателя А.К. Толстого «Портрет». Таким образом, в трудную для Алексея Николаевича Толстого и страны пору писатель проявляет стремление и способность трезво смотреть в будущее, что не только отразится в его последующем творчестве, но и позволит принять важные мировоззренческие решения.

Список литературы

1. Баранов В.И. Революция и судьба художника. М.: Советский писатель, 1983. 461 с.
2. Баратынский Е. Последний поэт // Русская поэзия XIX века. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1. С. 391.
3. Гик А.В. Особенности воплощения образа Калиостро у А. Толстого и М. Кузмина: от мистики до обмана // Новые российские гуманитарные исследования. 2018. № 13. С. 65.
4. Гурова Т.М. Категория чудесного в художественном мире А.Н. Толстого «Детство Никиты»: способы создания образов и их художественная нагрузка // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сборник материалов научно-практических конференций. Владимир: ВГУ, 2022. С. 2260-2265.
5. Зотов В.Р. Калиостро, его жизнь и пребывание в России // Русская старина. 1875. № 12. С. 50-83.
6. Карнович Е. Калиостро в Петербурге // Древняя и новая Россия. 1875. № 2. С. 184-200.
7. Лазарев В.А. Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия // Очерки по истории советской литературы. Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1962. Т. СХVI. Сб. 3. С. 168-169.

8. Полякова Н.Ф. Поэтика фантастического пространства в повестях А.К. Толстого «Упырь» и А.Н. Толстого «Граф Калиостро» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Сборник материалов международной научной конференции, посвящается 300-летию А.П. Сумарокова, 200-летию А.К. Толстого. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 120-127.
9. Полякова Н.Ф. Реальное и фантастическое в хронотопе повести А.Н. Толстого «Граф Калиостро» // Yearbook of Eastern European Studies. 2016. № 6. С. 219-231.
10. Солонович А.О. Трансформация образа графа Калиостро в фильме М.А. Захарова «Формула любви» // Новые российские гуманитарные исследования. 2018. № 13. С. 83.
11. Толстая Е.Д. «Дёготь и мёд»: Алексей Толстой как неизвестный писатель (1917-1923). М.: РГГУ, 2006. 685 с.
12. Толстая Е.Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. Москва: Новое обозрение, 2013. 533 с. «настоящая тяжелая чертовщина» (с. 336).
13. Толстой А.К. Портрет // Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах. М.: Правда. 1969. Т. 1. С. 511-535.
14. Толстой А.Н. Граф Калиостро // Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1958. Т. 3. Повести и рассказы 1917 –1924. С. 115-150.
15. Толстой А.Н. Детство Никиты // Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1958. . Т. 3. Повести и рассказы 1917 –1924. С. 151-251.

References

1. Baranov V.I. *Revoluciya i sud'ba hudozhnika* [Revolution and the fate of the artist]. М.: Sovetskij pisatel Publ., 1983, 461 p.
2. Baratynskij E. *Poslednij poet* [The Last Poet]. *Russkaya poeziya XIX veka* [Russian Poetry of the XIX century]. М.: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 1, p. 391.
3. Gik A.V. *Osobennosti voploshcheniya obraza Kaliostro u A. Tolstogo i M. Kuzmina: ot mistiki do obmana* [Features of the embodiment of the image of Cagliostro by A. Tolstoy and M. Kuzmin: from mysticism to deception]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 2018, no. 13, p. 65.

4. Gurova T.M. Kategoriya chudesnogo v hudozhestvennom mire A.N. Tolstogo «Detstvo Nikity»: sposoby sozdaniya obrazov i ih hudozhestvennaya nagruzka [The category of the miraculous in the artistic world of A.N. Tolstoy “Nikita’s Childhood”: methods of creating images and their artistic load]. *Dni nauki studentov Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor’evicha i Nikolaya Grigor’evicha Stoletovyh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferencij* [Days of Science of students of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Collection of materials of scientific and practical conferences]. Vladimir: VGU Publ., 2022, pp. 2260-2265.
5. Zotov V.R. Kaliostro, ego zhizn’ i prebyvanie v Rossii [Cagliostro, his life and stay in Russia]. *Russkaya starina*, 1875, no. 12, pp. 50-83.
6. Karnovich E. Kaliostro v Peterburge [Cagliostro in St. Petersburg]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*, 1875, no. 2, pp. 184-200.
7. Lazarev V.A. Iz istorii literaturnyh otnoshenij pervoj chetverti dvadcatogo stoletiya [From the history of literary relations of the first quarter of the twentieth century]. *Ocherki po istorii sovetskoy literatury. Uchenye zapiski MOPI im. N.K. Krupskoy*. M., 1962, vol. CXVI, no. 3, pp. 168-169.
8. Polyakova N.F. Poetika fantasticheskogo prostranstva v povestiyah A.K. Tolstogo «Upyr» i A.N. Tolstogo «Graf Kaliostro» [Poetics of fantastic space in the stories of A.K. Tolstoy “Ghoul” and A.N. Tolstoy “Count Cagliostro”]. *Slavyanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost’. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchaetsya 300-letiyu A.P. Sumarokova, 200-letiyu A.K. Tolstogo* [Slavonic World: spiritual traditions and literature. Collection of materials of the international scientific conference, dedicated to the 300th anniversary of A.P. Sumarokov, 200th anniversary of A.K. Tolstoy]. Tambov: Print-Service Publ., 2017, pp. 120-127.
9. Polyakova N.F. Real’noe i fantasticheskoe v hronotope povesti A.N. Tolstogo «Graf Kaliostro» [Real and fantastic in the chronotope of the story by A.N. Tolstoy “Count Cagliostro”]. *Yearbook of Eastern European Studies*, 2016, no. 6, pp. 219-231.
10. Solonovich A.O. Transformaciya obraza grafa Kaliostro v fil’me M.A. Zaharova «Formula lyubvi» [Transformation of the image of Count Cagliostro in the film by M.A. Zakharov “Formula of Love”]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 2018, no. 13, p. 83.

11. Tolstaya E.D. «*Dyogot' i myod*»: *Aleksej Tolstoj kak neizvestnyj pisatel' (1917-1923)*. [“Tar and Honey”: Alexey Tolstoy as an unknown writer (1917-1923)]. M.: RGGU Publ., 2006, 685 p.
12. Tolstaya E.D. *Klyuchi schast'ya: Aleksej Tolstoj i literaturnyj Peterburg* [Keys of happiness: Alexei Tolstoy and literary Petersburg]. Moscow: Novoe Obozrenie Publ., 2013, 533 p.
13. Tolstoj A.K. Portret [Portrait]. *Tolstoj A.K. Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Tolstoy A.K. Collected Works in 4 volumes]. M.: Pravda Publ., 1969, vol. 1, pp. 511-535.
14. Tolstoj A.N. Graf Kaliostro [Count Cagliostro]. *Tolstoj A.N. Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Tolstoy A.N. Collected Works in 10 volumes]. M.: Hudozhestvennaya literature Publ., 1958, vol. 3, Povesti i rasskazy 1917-1924, pp. 115-150.
15. Tolstoj A.N. Detstvo Nikity [Nikita's childhood]. *Tolstoj A.N. Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Tolstoy A.N. Collected Works in 10 volumes]. M.: Hudozhestvennaya literature Publ., 1958, vol. 3, Povesti i rasskazy 1917-1924, pp. 151-251.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирюхина Елена Михайловна, доктор культурологии, профессор
Нижегородский государственный агротехнологический университет (НГАТУ)
Проспект Гагарина, 97, г. Нижний Новгород, 603107, Российская Федерация
elenakiruhina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Kiryukhina, Doctor of Culturology, Professor
Nizhny Novgorod State Agrotechnological University
97, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation
elenakiruhina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0498-6842>

Поступила 01.06.2024
После рецензирования 12.06.2024
Принята 22.06.2024

Received 01.06.2024
Revised 12.06.2024
Accepted 22.06.2024